

ДЮЛА СВАК

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ИСТОРИКА В АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ¹

THE SURVIVAL STRATEGIES OF HISTORIANS IN AUTHORITARIAN REGIMES

This study examines the fundamental professional challenge facing historians in every era, namely their dependence on external mandates and expectations. In democratic contexts, historians ideally operate under a social mandate within democratic institutions, with material support subject to public oversight. In contrast, in autocratic and authoritarian systems historical scholarship is shaped by the demands of political power.

To assess historians working under the Stalinist dictatorship, historiography must adopt a contextualized and differentiated approach, emphasizing structural constraints while also allowing for understanding, empathy, and retrospective scholarly solidarity. Extreme cases such as Anna M. Pankratova, often labeled the “fist of the party” within the profession, require nuanced evaluation. The career of Boris D. Grekov illustrates strategies of heightened adaptability and overfulfillment of expectations, whereas Stepan B. Veselovsky’s career demonstrates that uncompromising scholarly work, though rare, remained possible under Stalinism.

Comparable types appear in Hungarian historiography as well (Péter Hanák, Domokos Kosáry, Jenő Szűcs). A key difference is that the Hungarian Stalinist period was relatively short, allowing greater career continuity and limiting irreversible intellectual and existential damage to the discipline.

Keywords: historiography; Stalinism; authoritarian regimes; historians and power; adaptation strategies; academic autonomy; Hungarian historiography

Gyula Szvák – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu. ORCID: 0000-0002-6505-5286

Этот текст прозвучал на международной конференции, состоявшейся по случаю 35-летия основания Центра русистики Университета имени Лоранда Этвёша (ELTE), в докладе под названием «Стратегии выживания историка в авторитарных режимах».

1 *Citation: GYULA SZVÁK, „Strategii vyzhivaniia istorika v avtoritarnykh rezhimakh” [The Survival Strategies of Historians in Authoritarian Regimes], RussianStudiesHu 8, no. 1 11–18. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.1*

ПРОФЕССИЯ ИСТОРИКА И АВТОРИТАРНАЯ ВЛАСТЬ

Основная проблема профессии историка во все времена заключается в том, что её задачей всегда является выполнение заказов. В идеале историк работает по общественному заказу и осуществляет свою деятельность в рамках демократической системы управления учреждениями, при этом материальные основы его работы обеспечиваются государством под общественным контролем.

В автократических или авторитарных государствах историк трудится по заказу власти, когда государство стремится проводить собственную историческую политику и при содействии историков навязывает и реализует политику памяти, направленную на укрепление политического господства.

В этих случаях пространство свободы ограничено, но сохранение профессиональной и нравственной целостности не невозможно. Позднейшие историографы, которые будут оценивать деятельность коллег, работавших в условиях автократических режимов прежних лет, должны стремиться к комплексному изучению эпохи, к беспристрастному анализу важнейших обстоятельств, пониманию, эмпатии и, *horribile dictu*, к ретроспективной солидарности.

Такой подход стоит применять и при оценке историков, работавших во времена сталинской диктатуры. Задачу, однако, осложняет то, что этот, на первый взгляд, монолитный период на самом деле не был единым. Уже при Ленине многие оказались на так называемых «философских пароходах» – их выслали за границу или сослали внутри страны, – но при этом немало «буржуазных» историков смогли сохранить свои должности. В конце 1920-х годов, в ходе так называемого «дела Платонова», их обвинили в монархическом заговоре и исключили из профессии (некоторых и физически уничтожили) – в результате стремления школы Покровского установить своё господство в исторической науке. 1934 год стал настоящей вехой в развитии сталинского понимания истории и исторической науки. Тогда было принято знаменитое постановление ЦК и правительства «О преподавании отечественной истории», согласно которому историю якобы «восстановили в ее правах». Одновременно началось вытеснение ранних марксистов – сторонников социологизирующего направления Покровского и их идей.²

2 Szvák Gyula, *Ruszsztika és hatalom*. Ruszsztikai Könyvek LII., (Budapest: Russica Pan-nonica, 2025). 260–266.

Это привело к парадоксальному повороту: в историческую науку вернулись представители старой школы, подвергшиеся более или менее сильной проработке, и профессиональная историография снова начала функционировать. Только теперь она строилась уже не на основе классовой борьбы, а на патриотической основе – во славу Российской империи и её государствообразующего народа, русских. А марксисты 1920-х годов, напротив, оказались под катком репрессий. Андрей Артизов, нынешний руководитель архивной службы России, в своей диссертации 1998 года насчитал (я сам не проверял) более ста историков, уничтоженных в годы «Большого террора».³

Великая Отечественная война по понятным причинам подняла этот патриотизм на высшую степень. Новая волна преследований началась в 1949 году – в ходе кампании против так называемого космополитизма, направленной главным образом против историков еврейского происхождения. На самом деле только смерть Сталина и XX съезд партии в 1956 году положили конец репрессиям против историков.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

В те десятилетия историку нелегко было держаться «правильной линии» и просто выжить. Существовали разные типы поведения и стратегии приспособления.

Одна из них – путь Анны Михайловны Панкратовой, которая, будучи искренне преданной партии, выступала своего рода «кулаком партии» в среде историков. Оценивая ущерб, нанесённый ею науке, справедливо, однако, учитывать и стеснённые жизненные обстоятельства – условия, в которых вопрос выживания стоял буквально.

Ранее я уже подробно рассматривал её личность⁴, поэтому теперь ограничусь лишь вопросом: была ли оправдана та степень рвения, с которой она служила партии на бастионах исторической науки, – к общему ущербу последней. Хотя и это утверждение не вполне справедливо: как организатор науки Панкратова оставила и устойчивые результаты – создание саратовской исторической школы, коллектив-

3 А. Н. Артизов, *Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е годы)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. (Москва, 1998), 39.

4 Szvák Gyula, „Történézsors diktatúra idején – Anna Pankratova kommunista mártírom-sága”. *Népszava*, 15 June 2025.

ную Историю Казахстана, написанную в эвакуации. Можно, пожалуй, отнести сюда и отредактированную ею Историю СССР – труд, который в условиях того времени, по крайней мере в Советском Союзе, действительно выполнял функцию школьного учебника.

Как добросовестный партийный пропагандист, она в итоге получила все возможные звания и титулы, какие только могли быть присвоены историку. Однако заставить забыть своё эсэровское прошлое, «троцкистское уклонение» мужа и тот факт, что она была первой ученицей Покровского, ей было непросто. Слепая вера, разумеется, помогала ей, но даже ей было непросто соответствовать постоянно меняющемуся партийному курсу. В конце концов, именно то, что она приняла близко к сердцу перемены, последовавшие после смерти Сталина, стало причиной её ранней кончины: она посыпала голову пеплом, когда ей это припомнили, но сердце не выдержало – и случился инфаркт. Однако, кроме собственного мужа, которого она сама заклеила как троцкиста, своим коллегам она зла не причинила.

Если вдуматься, непартийным историкам в каком-то смысле было проще. В силу логики вещей их не затрагивали постоянные внутривнутрипартийные чистки. Если только они не были евреями, им, по сути, нужно было «всего лишь» пережить так называемое «монархическое дело». Эмблематической фигурой этого типа – представителя старой школы – был Борис Греков, известный и в Венгрии. Его биография полна загадок. Происходил он из дворян, ещё до 1917 года был человеком Платонова; после революции, находясь в Крыму, приветствовал от имени профессорского корпуса белогвардейских генералов, а затем работал и в институте Покровского. При всём этом в 1930 году отделался всего лишь месяцем тюрьмы. Спустя несколько лет стал академиком и одновременно директором трёх исторических институтов – главой всей советской исторической науки.

Рассказывали, что однажды он обратился к коллеге с вопросом: «Вы же член партии, дайте совет: вам-то должно быть известно, какая концепция Ему нравится», – и при этом многозначительно взглянул на портрет, висевший на стене.

И, надо признать, доля истины в этом была: свою монографию о Киевской Руси он постоянно переписывал, всё дальше отодвигая во времени возникновение русского (точнее, восточнославянского) феодализма.⁵

---

5 А. Л. Хорошкевич (ред.), *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*. (Москва: Аквариус, 2015), 41–43.

(В те годы считалось достоинством, если историк изображал развитие Руси как идущее в ногу с западноевропейским.)

Таким образом, этот дореволюционный, «буржуазный» историк сумел приспособиться к новым условиям, к новым требованиям. В его случае следует взвесить именно эту доведённую до предела способность к приспособлению, пресловутое «чрезмерное рвение». Несомненно, Греков был высокообразованным, прекрасно знавшим архивы историком⁶ чьи знания и опыт были необходимы новой, патриотически ориентированной историографии. Можно предположить, что многочисленные пятна в его биографии при окончательном подведении итогов тоже обернулись ему на пользу, ведь ему было чего опасаться и ради чего оставаться лояльным.

В то же время творческая деятельность Степана Веселовского, также происходившего из дворянской семьи, служит примером того, что даже в сталинской системе существовали – пусть и немногочисленные – бескомпромиссные научные карьеры.⁷ По образованию юрист, Веселовский начинал как историк-любитель и направил миллионное приданое своей жены на выявление и переписывание неизвестных архивных фондов. На устраиваемых им блистательных приёмах собиралась элита исторического сообщества, и хозяин порой позволял гостям заглянуть в сокрытые архивные сокровища.

Тем не менее он оставался историком вне цеха, вступить в который решался с большим трудом. В конечном счёте война и революция вынудили его принять должность архивиста, после чего он стал сотрудником Института истории и академиком, обогатившим вспомогательные исторические дисциплины фундаментальными трудами. Его работы строго опирались на источники, и факты говорили сами за себя.

Однако, когда очередь дошла до Ивана IV, он не стал скрывать своего негативного суждения, несмотря на то, что в 1948 году было принято даже партийное постановление о величии царя. После этого Веселовский писал «в стол», и эти его исследования были опубликованы уже после смерти, в 1963 году. Совершенно абсурдным образом заместитель заведующего отделом советской партии, критиковавший статью

---

6 В связи с этим А. А. Зимин высказал серьёзные сомнения. In: А. А. Зимин, тайный дневник, цит. по: *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*. А. Л. Хорошкевич (ред.) (Москва: Аквариус, 2015), 41–43.

7 В. Б. Кобрин, «Кому ты опасен, историк?» *VIVOS VOVO*, часть 3. (Дата обращения: 2 January 2026.)

Е. Фехера Пала, опубликованную в газете «Непсабадшаг» и посвящённую положительной оценке книги Иштвана Долмани «История Советского Союза» (1971), привёл Веселовского в качестве отрицательного примера, хотя к тому времени тот уже давно был мёртв.⁸ При жизни его лишь подвергали критике за «буржуазный объективизм», однако в тюрьму или, тем более, в ГУЛАГ он не попал.

ВЕНГЕРСКИЕ ТИПАЖИ И РЕТРОСПЕКТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Подобные «советские типажи» можно обнаружить и в венгерской историографии. Так, например, Петер Ханак, которого, впрочем, называли не «кулаком партии», а другим её органом, в своём рвении превосходил даже Панкратову.⁹ Домокош Кошари, хотя и воздерживался от эффектных идеологических пируэтов «грековского типа», все же тоже был известен как буржуазный историк, обладающий развитым качеством приспособленчества.¹⁰

Енё Сюч, представлявший уже более молодое поколение, напротив, служил примером принципиальной твёрдости и добросовестности учёного, то есть той самой бескомпромиссности, которая в крайних политических условиях встречалась крайне редко.¹¹

Разумеется, между двумя историографическими традициями существовало и принципиальное различие. В Венгрии «сталинская эпоха» продолжалась менее десяти лет, вследствие чего у историков сохранялось больше времени для профессионального манёвра и восстановления. Насилие над наукой и насильственная ненаучность не привели здесь к невосполнимым экзистенциальным и интеллектуальным утратам, к действительно необратимым процессам. (В Венгрии не был казнён ни один историк.) В результате этого в ходе длительного, после 1956 года практически неостановимого процесса «либерализации»

8 Дюла Свак, «Три истории России» (*Three 'Histories of Russia'*). *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 26. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.11.

9 CSUNDERLIK PÉTER, *Egy különleges közép-európai történész. Hanák Péter pályaképe*. (Budapest: Napvilág Kiadó, 2023).

10 SZVÁK GYULA, „Kosáry Domokos pokolbeli víg napjai – Romsics Ignác könyvét olvasva”. *Népszava*, 3 August 2025.

11 ENGEL PÁL, „Vázlat Szűcs Jenőről”. *Holmi* (1993): 833–837.

профессии историка марксистская историография была без особого труда снабжена другой этикеткой, разложена на элементы, после чего наша профессия органично вписалась в эклектику эпохи смены общественного строя.

Таким образом, даже в условиях крайних авторитарных режимов сохранялась возможность оставаться порядочным и профессионально честным; выбор существовал и там. Перевыполнение идеологических норм, рвение сверх меры, не были обязательными – их диктовали, скорее, индивидуальные амбиции и карьерные соображения. Никому не приставляли пистолет к виску, требуя датировать формирование феодализма в Древней Руси IX веком – или даже более ранним временем. Владимир Кобрин, выдающийся советский историк, писал в 1990 году, что конструкция с определением «честный историк» на самом деле не существует. Ведь того, кто нечестен, нельзя назвать историком.¹² Видимо, 1990 год – год смены режима – таил в себе больше оптимизма, чем 2025-й. Я, например, не считаю Домокоша Кошари нечестным даже несмотря на то, что он однажды дал своей работе такое название: «Борьба Лайоша Кошута против феодального и колониального гнёта.»¹³ Можно найти оправдание историкам, которые работали под давлением власти и искали свой *modus vivendi*, особенно если на кону стояла их жизнь.

Склоняюсь перед воображаемым памятником «неизвестному историк», перед теми, кто стал жертвой и был искалечен репрессивными режимами. Историки будущего, очевидно, будут судить и нас. Несомненно, нам тоже понадобится «ретроспективная солидарность». Конечно же, не для тех, кто подобен безпозвоночным слизням без спинного хребта (Хофи¹⁴).

Ведь и в 2025 году мы не можем опуститься ниже уровня 1990-го, и не может быть иной основы для нашей деятельности, кроме независимости, добросовестности и свободы учёного.

12 В. Б. Кобрин, «Кому ты опасен, историк?» *VIVOS VOXO*, часть 3. (Дата обращения: 2 January 2026.)

13 Romsics Ignác, *Kosáry Domokos* (Budapest: Corvina, 2025), 262–263.

14 Хофи, Геза (1936–2002) – самый популярный венгерский комик второй половины XX века; его культурное и общественное влияние часто сопоставляется с влиянием Аркадия Райкина.

References

A. N. ARTIZOV, *Shkola M. N. Pokrovskogo i sovetskaia istoricheskaia nauka (konets 1920-x – 1930-e gody)* [The School of M. N. Pokrovskii and Soviet Historical Scholarship, Late 1920s–1930s]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. (Moskva: 1998).

CSUNDERLIK PÉTER, *Egy különleges közép-európai történész. Hanák Péter pályaképe* [A Special Central European Historian: The Career of Péter Hanák]. (Budapest: Napvilág Kiadó, 2023).

ENGEL PÁL, „Vázlat Szűcs Jenőről” (A Sketch of Jenő Szűcs). *Holmi* (1993): 833–837.

V. B. KOBRIN, „Komu ty opasen, istorik?” [Why Are You Dangerous, Historian?] *VIVOS VOCO*, chast’ 3. (Accessed 2 January 2026.)

ROMSICS IGNÁC, *Kosáry Domokos (Domokos Kosáry)*. (Budapest: Corvina, 2025).

A. L. KHOROSHKEVICH (red.), *Sud’by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka* [The Fate of the Scholarly Legacy of Russian Historians in the Second Half of the Twentieth Century] (Moskva: Akvarius, 2015)

SZVÁK GYULA, *Ruszsztika és hatalom* [Russian Studies and Power]. *Ruszsztikai Könyvek LII*. (Budapest: Russica Pannonicana, 2025).

SZVÁK GYULA, „Történészsors diktatúra idején – Anna Pankratova kommunista mártíromsága” [A Historian’s Fate under Dictatorship: The Communist Martyrdom of Anna Pankratova]. *Népszava*, 15 June 2025.

SZVÁK GYULA, „Kosáry Domokos pokolbeli víg napjai – Romsics Ignác könyvét olvasva” [Domokos Kosáry’s Cheerful Days in Hell: Reading the Book by Ignác Romsics]. *Népszava*, 3 August 2025.

SZVÁK GYULA, „Tri istorii Rossii” [Three ‘Histories of Russia’]. *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 26. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.11.